

БАГАЖ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

(к поэтике «Писем русского путешественника»)

ЛЮБОВЬ КИСЕЛЕВА

(Тарту, Тартуский университет)

Когда речь идет об обыкновенном бытовом путешествии, каким бы далеким и ответственным оно ни было, то отъезжающий собирает чемодан, исходя из соображений удобства и целей поездки, погодных и прочих материальных условий. Когда речь идет о путешествии «художественном», о романе-путешествии, то все обстоит иначе. Здесь каждая деталь, в том числе и бытовая, подчинена общему замыслу, включена в поэтику текста, имеет свою прагматику, и исследователю все это предстоит выявить и проанализировать. На поверку оказывается, что багаж романного путешественника формируется далеко не только из быта, но возникает и из литературы, благодаря взаимодействию с предшествующими текстами, и становится маркером литературной традиции, в которую вписывается произведение. Показать, как это происходит в одном из ключевых текстов русской литературы, и есть задача настоящей небольшой заметки.

«Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина — пример в высшей степени показательный. Они не обделены исследовательским вниманием, и нет необходимости сейчас перечислять все хорошо известные работы, им посвященные. Однако ученых, включая самого тонкого, Ю. М. Лотмана, интересовала либо идеология Карамзина, либо жанровая природа сочинения, соотношение в его поэтике «реального» и фикционального на-

чал. Мир путешественника занимал ученых в части того, что герой видит вокруг себя, что думает и чувствует и в какой мере является *alter ego* автора. Никто из писавших о «Письмах русского путешественника» не прошел мимо утверждения «Весна не была бы для меня так прекрасна, если бы Томсон и Клейст не описали мне всех красот ея» [ППП: 39] — как доказательства определяющей роли литературы в формировании мировоззрения sentimentalного героя и поэтики сентиментализма в целом. И все же одно дело поэтический пейзаж, «Натура», другое дело бытовые предметы, вещи — те, что путешественник возит с собой, которыми пользуется или покупает в дороге. На них внимания никто не обращал, хотя выбор этих предметов, как нам хотелось бы показать, далеко не случаен. Наш вопрос: насколько *литературна* их природа? или они принадлежат лишь внеположенному литературе миру быта и входят в текст как часть описываемой реальности и как средство характеристики героя?

А. П. Чудаков в книге «Поэтика Чехова», анализируя изображаемый автором мир, говорит о предшествующей Чехову прозе следующее: «Предметный мир, которым окружен персонаж, <...> служит безотказным и целенаправленным средством характеристики человека. Все без исключения подробности имеют характерологическую и социальную значимость» [Чудаков: 149–150], и далее: «описание тяготеет к возможно большей целесообразности любой мелочи» [Там же: 163]. С этим трудно не согласиться. Карамзин сам дает нам ключ к пониманию вещного мира как части мира духовного. Вот как описывается прощанье героя с домом при отъезде в Европу:

На что ни смотрел — на стол, где несколько лет изливались на бумагу незрелые мысли и чувства мои — на окно, под которым сживал я подгорюнившись в припадках своей меланхолии, и где так часто заставало меня восходящее солнце — на готический дом, любезный предмет глаз моих в часы ночные — одним словом, все, что попада-

лось мне в глаза, было для меня **драгоценным памятником** <Здесь и далее выделено нами. — Л. К.> прошедших лет моей жизни, не обильной делами, но за то мыслями и чувствами обильной. **С вещами бездушными прощался я как с друзьями** [ПРП: 5].

Напомним, что описаниями вещного мира «Письма русского путешественника» начинаются и завершаются, образуя кольцевую композицию. Вот как выглядит финал:

С каким удовольствием перебираю я свои сокровища: записки, счеты, книги, камешки, сухия травки и ветки, напоминающие мне или сокрытие Роны, la perte du Rhone, или могилу отца Лоренза, или густую иву, под которою Англичанин Поп сочинял лучшие стихи свои! Согласитесь, что все на свете Крезы бедны передо мною! [ПРП: 388].

Однако в «Письмах русского путешественника» бытовые детали, как нам хотелось бы показать, часто имеют дополнительную прагматику: они выполняют игровую функцию переключения из мира «реальности» в мир «литературы» и несут на себе важную интертекстуальную и идеологическую нагрузку. Надеемся, что наши наблюдения добавят новые штрихи в понимание поэтики «Писем» и одновременно послужат делу создания полного комментария к этому тексту.

С первых страниц «Писем» Карамзин дает знать читателям, что его герой-путешественник — не просто *русский*, но еще и *чувствительный*, и что образцом для автора послужило «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Л. Стерна. О взаимодействии текстов Карамзина и Стерна писали неоднократно (см. основополагающую работу: [Шкловский]), но далеко не исчерпываяще, что еще в 1975 г. заметила в Ф. З. Канунова, суммировавшая предшествующую научную традицию [Канунова]. С тех пор появилась важная работа Т. Алпатовой, выделившей в структуре «Писем русского путешественника» целый стерниан-

ский сюжет [Алпатова: 9–20]. Однако ее интересуют прямые реминисценции или же, как и В. Б. Шкловского, — использование стерновских повествовательных приемов. Меня же интересуют скрытые отсылки, тоже выстраивающиеся у Карамзина как диалог с «Сентиментальным путешествием».

Разделим предметы, составляющие вещный мир, на несколько групп. Первую, безусловно, составляют те, что указывают на статус героя как путешественника, причем такого, который, как и стерновский Йорик, пишет журнал своего путешествия в форме писем к друзьям. Вот достаточно частотная фраза: «Я лег на траве под деревом, вынул из кармана записную книжку, чернильницу, перо, и написал то, что вы теперь читали» [ПРП: 12]. Ср. у Стерна: «... задумав описать мое путешествие, достал перо и чернила и написал к нему предисловие в дезоближане» [Стерн: 548]¹.

Обратим внимание на поместительные карманы путешественника (даже если подразумевать небольшую дорожную сумку, куда клались обычно деньги и документы), в которые, если проследить по тексту, помещаются не только носовые платки [ПРП: 104], упомянутые записная книжка, письменные принадлежности, но и целые книги: «Том его <Геснера. — Л. К.> сочинений был у меня в кармане» [ПРП: 124]. Особенно замечательна записная книжка, которая одновременно представляет собой архив, где содержатся письма («Тут вынул я из записной книжки своей одно письмо доброго Лафатера, и прочитал Студенту» [ПРП: 57], собственные сочинения («Я сыскал в записной своей книжке перевод *печальной весны*²» [ПРП: 76]) и памятные предметы («У ног моих синелись цветочки; я сорвал два, и спрятал в запис-

¹ Цитируем в современном русском переводе, поскольку нас интересуют бытовые реалии, а не стилистика и поскольку мы точно не знаем, по какому изданию знакомился с «Сентиментальным путешествием» Карамзин — скорее всего, как по английскому, так и по французскому.

² Имеется в виду стихотворение Карамзина «Весенняя песнь меланхолика».

ную книжку свою. Вы их увидите некогда, — естли волны морския не поглотят меня вместе с ними» [ПРП: 388]). Такого рода мемориальные предметы подчеркивают принадлежность русского путешественника к сентиментальным вояжерам, что неизбежно отсылает к Стерну. Ср.: «...сидя на его <патера Лоренцо. — Л. К.> могиле, и сорвал в головах у него два или три кустика крапивы, которым там было не место, это так сильно подействовало на мои чувства, что я залился горячими слезами» [Стерн: 559], связь с этим стерновским пассажем подчеркнута прямой отсылкой в финале «Писем русского путешественника» [ПРП: 388], который мы уже цитировали выше.

Такой бытовой предмет, как трость, на страницах «Писем русского путешественника» переименовывается в «посох» и приобретает сентиментально-символическую функцию: «Беру свой **страннический посох** — иду смотреть на засыпающую природу, и странствовать глазами по звездному небу» [ПРП: 78], но (уже под исконным именем) осложняется и интертекстуальной функцией с прямой отсылкой к Стерну: «...тростью своею провел на песке длинную змейку, подобную той, которую в *Тристраме Шанди* начертил Капрал Трим <...>, говоря о приятностях свободы. Чувства наши были конечно сходны. Так, добродушный Трим! nothing can be so sweet as liberty» [ПРП: 49]. Однако вводится еще и скрытая отсылка к мотиву сентиментальной дружбы, ибо, как показала Л. В. Крестова, подразумевается трость, подаренная Карамзину А. И. Плещеевой [Крестова: 266]. Разумеется, эта отсылка могла быть понятна лишь узкому кругу читателей, но это не снижает ее роли в сложно организованном тексте.

Мотив чемодана, многократно упоминаемый в тексте «Писем», составляет микросюжет, отчасти интертекстуальный. Как хорошо памятно читателям «Сентиментального путешествия», чемодан у Йорика — легкий, чем подчеркнута бедность и быто-

вая неустроенность героя: «...уложил полдюжины рубашек и пару черных шелковых штанов. — Кафтаң, — сказал я, взглянув на рукав, — и этот сойдет» [Стерн: 388]. Карамзин прямо отсылает к этому месту в письме 134, говоря о вещах эмигранта, с которым герой оказался в одной комнате в Лондоне — весь его бедный багаж состоит из «гитары, карт и... a pair of silk breeches» [ПРП: 332]. Собственный же чемодан русского путешественника многофункционален (может служить, например, сидением в карете [ПРП: 32]) и гораздо тяжелее Йорикова. В нем помещаются: дорожная ландкарта и путеводители (иногда они, как и книги, берутся в библиотеке [ПРП: 84], т. е. в чемодан не укладываются); деньги, векселя, подорожная, рекомендательные письма; чайник, белье, платки, шляпы, предметы летней и зимней одежды (плащ, «сертуки», башмаки). Однако особенно подчеркнут выбор книг, которые путешественник возит с собой, чтобы извлечь в подходящий момент: «Я не пойду ужинать. Сяду под окном, буду читать Вейсову Элегию на смерть Геллерта, Крамерову и Денисову Оду; буду читать, чувствовать и — может быть плакать» [ПРП: 63]; «прочитал я несколько раз сие место в бессмертной Энеиде, которая была у меня в руках» [ПРП: 92]; «В пять часов по утру вышел я из Лозаны, с весельем в сердце — и с Руссовою Элоизою в руках» [ПРП: 134]; «стихотворец (Попу) у меня в мыслях и в руках» [ПРП: 351]. Герой с книгой в руках, постоянно занятый книжными впечатлениями, которые возбуждают в нем чувствительность, — это, конечно, герой сентиментальный.

Однако книги не всегда изначально находятся в багаже, они могут быть и приобретены по дороге, но потом находят свое место либо в кармане, либо в чемодане. Ср.: «В книжной лавке купил себе на дорогу Оссианова Фингала и *Vicar of Wakefield*» [ПРП: 68] (ср. далее в карете: «Вынул из кармана своего *Vicar of Wakefield* и начал читать» [ПРП: 83]). «В театре я купил эту Оперу,

поднесенную Принцу Валлисскому» (т. е. купил, скорее всего, издание либретто оперы «Андромаха») [ПРП: 361]. Карамзин постоянно напоминает читателю, что его путешественник — литератор и любитель литературы, для которого словесность составляет важнейшую часть мира.

Впрочем, покупки не ограничиваются книгами. Как любой путешественник, герой Карамзина покупает сувениры, и, как можно заранее предположить, их выбор также далеко не случаен: «Я подарил постиллиону фарфоровую **трубку**, купленную мною на Берлинской фабрике, и он из благодарности привез меня в Веймар довольно скоро» [ПРП: 71]. Здесь, как нам представляется, не исключена игровая переключка со знаменитым эпизодом у Стерна, когда Йорик дарит монаху в Кале черепаховую **табакерку**, чтобы загладить перед ним свою вину (у Карамзина подарок имеет характер косвенной взятки, оказавшей нужное действие).

Любопытно, что среди упоминаемых потенциальных покупок встречаются и бесполезные и *не купленные* «безделки», которые, например, предлагали герою «жиды» в Митаве (**трубка**, старый лютеранский молитвенник, Готшедова грамматика, зрительное стекло) [ПРП: 11]. Здесь они появляются с другой целью, их функция — ввести еврейскую тему, получающую в «Письмах русского путешественника» амбивалентную трактовку (не исключено, что и этот эпизод имеет интертекстуальную природу, которую еще предстоит разгадать).

Паспорт — один из важнейших бытовых предметов в багаже путешественника, пересекающего границы. Однако в «Письмах» и он связан с литературой и именно со Стерном, у которого паспорт — один из важных мотивов, развернутый в целый иронический сюжет: Йорик не позаботился о паспорте, едучи во Францию в момент, когда две страны (Англия и Франция) находились в состоянии войны. Путем сложных приключений он добыл себе паспорт на имя королевского шута через француза, поклонника

Шекспира (сложная ироническая и многофункциональная игра с именем шекспировского героя). У Карамзина тема паспорта появляется уже во втором письме: путешественнику, в отличие от Йорика, не удалось преодолеть бюрократию, и он не смог поехать морем («Надлежало объявить мой паспорт и Адмиралтейству; но там не хотели написать его» [ПРП: 6]).

Разумеется, эта, как почти всякая деталь, в тексте многофункциональна. Здесь важна и идеологическая нагрузка — критическое отношение к российским порядкам, что продолжено и в следующем «паспортном» примере. Дело в том, что перед поездкой в охваченную революцией Францию герой получил в Женеве еще один паспорт — как охранную грамоту — от женевских синдиков: «И так если ктонибудь оскорбит меня во Франции, то я имею право принести жалобу Женевской Республике и, она должна за меня вступить! <...> всякой может получить такой паспорт» [ПРП: 191]. «Йорикова» линия получения паспорта в чужой стране здесь продолжена, но продолжена и идеологическая линия сравнения различных политических систем (не в пользу российской).

Бытовые помощники у Карамзина вводятся с очевидной отсылкой к Стерну, причем в той же функции — демонстрации различий национальных характеров. Вот как вводит Стерн мотив различия английского и французского характеров, избирая для этого парикмахеров. См. в главе «Париж. Парик» в «Сентиментальном путешествии»:

Вошедший **цирюльник** <француз> наотрез отказался что-нибудь сделать с моим париком: это было или выше, или ниже его искусства. Мне ничего не оставалось, как взять готовый парик по его рекомендации. — Но я боюсь, мой друг, — сказал я, — этот локон не будет держаться. — Можете погрузить его в океан, — возразил он, — Все равно он будет держаться — <...> При самом крайнем напряжении мыслей **английский парикмахер** не мог бы придумать

ничего больше, чем «окупнуть его в ведро с водой». — Какая разница! Точно время рядом с вечностью. Мне кажется, я способен усмотреть **четкие отличительные признаки национальных характеров** скорее в подобных нелепых minutiae, чем в самых важных государственных делах, когда великие люди всех национальностей говорят и ведут себя до такой степени одинаково, что я не дал бы девятипенсовика за выбор между ними [Стерн: 385].

У Карамзина **французский** парикмахер — говорун, он «... намажет вашу голову Прованскими духами и напудрит самую белую, легкую, пудрою» [ПРП: 243], тогда как **английский** — грубый флегматик:

В ту же минуту явился Английский парикмахер, толстый флегматик, который изрезал мне щеки тупою бритвою, намазал голову салом и напудрил мукою... я уже не в Париже, где кисть искусного, веселого Ролета (имя моего Парижского парикмахера) подобно Зефиру навевала на мою голову белейший ароматный иней! [ПРП: 332].

Однако далее вводится еще и русский парикмахер, чье появление вызвано опять-таки причинами идеологическими — стремлением Карамзина показать преимущества свободной и благополучной жизни в Европе перед жизнью в России, где даже экономическому (т. е. не крепостному) крестьянину живется хуже, чем в Англии:

Меня провожал Руской парикмахер Федор, который здесь живет семь или восемь лет, женился на миловидной Англичанке, написал над своею лавкою: Fedor Oushakof³, салит голову Лондонским щего-

³ Знаменательно вряд ли случайное совпадение имени парикмахера с именем друга А. Н. Радищева и А. М. Кутузова и героя сочинения Радищева «Житие Федора Васильевича Ушакова», посвященного Кутузову. Мотив «невстречи» с Кутузовым, который был также другом и отчасти наставником Карамзина — один из важных в «Письмах русского путешественника». Сочинение Радищева вышло в свет анонимно в 1789 г., но в период работы над «Письмами» Карамзин вряд ли мог не знать имени автора и пройти мимо этой новинки, особенно в кон-

лям, и **доволен как царь**. Он был в России Экономическим крестьянином, и служит всем Р у с к и м с великим усердием [ПРП: 385].

Парижский слуга русского путешественника Бидер может быть с полным правом назван слугой «интертекстуальным», поскольку его образ являет собой мотивную цитату из Стерна. Французский слуга Йорика Ла Флер (говорящее имя, означающее *цветок*) — простодушный бедняк, честный, всячески заботящийся о благополучии господина. Бидер (также говорящее имя, толкование которого дано в тексте: «Бидер по-немецки значит *добрый* или *честный*»), «беден как Ир, а честен как Сократ», заботливый, чувствительный, хотя необразованный. Его образ несет в тексте двойную функцию — он введен не только ради диалога со Стерном, но и ради приписанного Бидеру рассказа (на самом деле извлеченного Карамзиным из газет) о самоубийстве его знакомого, тоже слуги [ПРП: 306–307]. Для автора «Писем» это иллюстрация важной для него идеи гибельности полупросвещения.

Если же продолжать разговор о характеристике России и русского жизненного уклада через бытовые детали, то обратим внимание на то, что на страницах «Писем русского путешественника» неожиданно появляется один из ярких характеристических предметов русской жизни — мундир. Неожиданно потому, что о службе путешественника в тексте ничего не говорится (он — путешествующий литератор), да и сам Карамзин (если в очередной раз проводить параллели между ним и его героем) в момент путешествия на службе не состоял, а из Преображенского полка вышел в отставку 17-ти лет в чине поручика. За кратковременную

тексте скандала вокруг «Путешествия из Петербурга в Москву», также посвященного Кутузову. Не мог Карамзин не осознавать еще одного совпадения — с актуальным тогда именем флотоводца и героя турецких войн Федора Федоровича Ушакова. Такая многослойная игра характерна для карамзинского текста.

службу он не выслужил права ношения в отставке гвардейского мундира. Между тем в 15-м письме из Берлина от 1 июля мы читаем, что в день визита сестры короля Фридриха-Вильгельма II, жены штатгальтера Нидерландского, в трактире некоего господина Блума шел разговор о России и о войне между Россией и Швецией, и тут узнаем, каким образом один из посетителей распознал в собеседнике русского: «Швед был в России, и **по мундиру моему тотчас узнал, что я Руской**» [ППП: 39].

Словарь языка XVIII в. дает лишь одно значение слова «мундир» = форменное платье. Какой же мундир имеется в виду? Карамзин отсылает к относительно новому на тот момент явлению — дворянскому мундиру, который был введен 24 октября 1782 г. и «как бы уравнивал дворян-помещиков с государственными служащими». Указом были «...присвоены для каждой губернии одинаковые цвета для платья» [Дворянские мундиры]. Их цвет уточнялся указом 1784 г., когда северным губерниям (включая Петербургскую) был дан светло-синий цвет, губерниям средней полосы (включая Московскую) — красный и южным губерниям (включая Киевскую) — темно-вишневый. В разъяснении генерал-прокурора значилось: «...дозволяется носить таких цветов платья **не только при должностях находящимся, но и всему дворянству той губернии** обоего пола, с тем что могут они в таком одинаковом платье иметь проезд и в столицах во все публичные места и ко двору ее величества». В 1784 г. был определен и состав форменного платья:

... суконный кафтан с отложным воротником и длинными лацканами или без них, камзол (длинный жилет), штаны до колен, чулки, башмаки и черная треугольная (в горизонтальной проекции) шляпа. Текстом закона **покрой платья не устанавливался**, поскольку **имелся в виду принятый в то время в быту фасон**. Предписанные законом три цвета определяли внешний вид кафтанов, их отделка (воротник, лацканы, обшлага, пуговицы и подкладка), а также кам-

зол и штаны получали особые (в их комбинации) для каждой губернии цвета. Форменное платье дополнялось шпагой [Дворянские мундиры].

Для нынешнего читателя Карамзина беглое упоминание мундира может пройти незамеченным, но в насыщенной, суггестивной поэтике «Писем» любая деталь нагружена информацией. В данном эпизоде мундир — это фирменный знак, сразу же отличающий россиянина (швед «тотчас узнал, что я Руской»), который, даже будучи лицом частным и путешествующим за границей по собственной надобности, в официальной обстановке (визит лица из королевского дома) надевает форменное платье. Следовательно, в чемодане путешественника должен был на всякий случай содержаться и мундир. По замыслу Екатерины II, дворянский мундир должен был закрепить идею дворянской вольности, право дворянина не служить и вместе с тем не чувствовать себя ущемленным по сравнению со служащим дворянством. Однако в амбивалентном мире «Писем русского путешественника» мундирная деталь напоминает о регламентации, повсюду сопровождающей россиянина, и когда он освобождается от этой стеснительной регламентации (какого бы свойства она ни была), то, как парикмахер Федор Ушаков, оказывается «доволен как царь».

Подводя некоторые и самые предварительные итоги относительно функций вещей в «Письмах русского путешественника», напомним, что, по нашим наблюдениям, они редко имеют в тексте Карамзина чисто бытовую природу. Бытовые предметы всегда нагружены мемориальной, символической, идеологической функциями и чаще всего имеют интертекстуальную природу. Часто вещи, которые сопровождают русского путешественника в его странствиях по Европе, «появляются» в его багаже из «Сентиментального путешествия» Стерна, углубляя интертекстуальный диалог между этими двумя знаковыми текстами.

Литература

Алпатова: *Алпатова Татьяна*. Диалог Н. М. Карамзина с литературной традицией Л. Стерна на страницах «Писем русского путешественника» (приемы художественного конструирования «стернианского сюжета») // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica. 2012. Вып. 5.

Дворянские мундиры: *Дворянские мундиры в Российской империи* // <http://www.mundir.ru/dvor.html> [просмотр 27.10.2018].

Канунова: *Канунова Ф. З.* Карамзин и Стерн // XVIII век. Сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975.

Крестова: *Крестова Л. В. А. И.* Плещеева в жизни и творчестве Карамзина // XVIII век. Сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975.

ПРП: *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Изд. подготовили Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1987.

Стерн: *Стерн Лоренс*. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии // Стерн Лоренс. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968.

Чудаков: *Чудаков А. П.* Поэтика Чехова // Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. СПб., 2016.

Шкловский: *Шкловский В. Б.* «Тристрам Шенди» Стерна и теория романа. Пг., 1921 (Сборники по теории поэтического языка. Вып. 4. № 2).